

«МАРТОВСКИЙ» СТРЕСС 1953 ГОДА И АДАПТАЦИОННЫЙ СИНДРОМ В СССР

Н.В. Стариков

Аннотация. Проанализирована проблема адаптации советской системы к изменившимся условиям после смерти Сталина. Использована модель адаптационной энергии с учетом кризисных рангов стресса, максимумов адаптационного напряжения. Сделан вывод, что перераспределение адаптационного ресурса повышало сопротивляемость одним факторам и в то же время снижало сопротивляемость другим. Выделены три фазы адаптационного синдрома – фаза шока (1953 г.), фаза поиска устойчивости (1954–1955 гг.) и фаза кризиса веры (до конца 1957 г.), отмеченная снижением энергии сопротивления, ослаблением защитных возможностей СССР, ограничением резервов. Показано, что адаптация во многом основывалась на мифо-символических ресурсах власти. Дано обоснование модификационной и патологической адаптации, раскрыты их ключевые факторы, включая идеологемы «культ личности» и «коллективность руководства». Отмечается связь процессов адаптации с изменением модели легитимации. Выделен фактор постоянного колебания между полярными тенденциями: адаптацией к вызовам времени и сохранением традиций. С этим связана изменчивость как способность приобретения новых признаков. Показано, что изменения в советской системе 1950-х гг. могли быть связаны либо с влиянием внутренней и внешней среды на динамику партийно-государственных структур, либо с изменениями, затрагивающими суть ключевых процессов в их ленинско-сталинском воплощении. В зависимости от этого можно выделять модификационную и наследственную изменчивость советской системы.

Ключевые слова: СССР, политическая культура, стресс, эустресс, дистресс, шок, адаптация, адаптивная система, символ, ритуал, эволюция, модификация, изменчивость, традиция.

“THE MARCH STRESS” OF 1953 AND THE SYNDROME OF ADAPTATION IN THE SOVIET UNION

N.V. Starikov

Abstract. The problem of the Soviet system adaptation to the changed conditions after the Stalin's death is going to be analyzed. The adaptational energy model with crisis stress ranks and peaks of adaptive voltage have been applied during the process of article writing. It is concluded that the redistribution of adaptational resources increased the resistance to the one type of factors, but at the same time, reduced the resistance to the other ones. Three main phases of adaptational syndrome were distinguished – “shock phase” (1953), “stability search phase” (1954–1955), “faith crisis phase” (till the end of 1957), which was marked by the reduction of resistance energy, weakening Soviet protective capabilities and limitation of reserves. It was shown, that adaptation was largely based on mytho-symbolic resources of political establishment. The substantiation of modificational and pathological adaptation was presented and the main features of both were described (including the description of such ideologemes as “cult of personality” and “collectivity of governance”). It is noted the relationship of adaptational processes with the process of legitimization model changing. There was a specific factor of constant oscillation between two polar tendencies: adaptation to the challenges of time and preservation of traditions. Variability as the ability to acquire new features is linked to this factor (factor of constant oscillation). It was shown that changes in the Soviet system of the 1950s could be related either to the influence of internal and external environment on the dynamics of the party and state structures, or with changes affecting the essence of the key processes in their Leninist-Stalinist incarnation. Depending on these factors, one can allocate modificational variability and hereditary variability of the Soviet system.

Keywords: USSR, political culture, stress, eustress, distress, shock, adaptation, adaptive system, symbol, ritual, evolution, modification, changeableness, tradition.

Смерть Сталина, породив невиданное напряжение, выявила неизвестную прежде общую реакцию советской системы. Психологическое воздействие кончины генсека нарушило принятый уклад жизни, лавинообразный рост нагрузки на Кремль породил череду разнонаправленных действий, заявлений, документов, решений. Стрессовое состояние с возбуждением, неопределенностью, страхом вызвало сбой в прежде отлаженном механизме управления. Так, организация траурных мероприятий привела к многочисленным жертвам в Москве, распространению слухов [Поляков, 1994]. Власть пыталась привести в действие внутренние возможности, позволявшие адаптироваться к внезапным изменениям среды, но критическое возбуждение провоцировало сдвиг в работе Старой площади, Лубянки, МИДа.

Стресс как неспецифический ответ советского организма на предъявленное ему требование жить без Сталина оказался испытанием для «верхов» и «низов», воспринимавших происходящее в координатах катастрофизма. Послевоенные социопсихологические синдромы, выявленные в работах Е.Ю. Зубковой [Зубкова, 1992; 1998], дополнялись нервно-эмоциональным напряжением, провоцируя отклонения от принятых норм.

Рассогласованность представлений (Н. Гербарт), особая модальность ощущений (В. Вундт) – эти и другие теоретические интерпретации эмоций реально проявились в «мартовском плаче» о Сталине, психическом потрясении, означавшем для разных групп горе и испуг, страх и неопределенность, ощущение сиротства, беззащитности, одновременно являя для других радость, долгожданный исход [Козлов и др., 2002].

Когнитивные механизмы эмоциональной реакции миллионов включали активизирующее событие – смерть «Отца народов», породившую возбуждение с пусковыми мыслями и разрушающими переживаниями, в свою очередь накалявшими возбуждение. Факторами, усугублявшими воздействие «мартовского» стресса, являлись: нежелание менять устоявшиеся представления о Сталине; категоричность в восприятии неофициальных оценок; наличие иррациональных установок; инерция мышления.

Различными были психологические и психофизиологические показатели эмоциональных состояний весны 1953 г.: активно-оборонительные и пассивно-оборонительные вегетативные реакции, речевые изломы на траурных мероприятиях, эмоционально-реактивные клятвы Вождю, изумление Патриарха промыслом «силы великой, нравственной, общественной» усопшего, категоричность предложения о переименовании Москвы в Сталинодар, настороженное восприятие «дыхания Чейн-Стокса». Многообразие ведущих и производных переживаний соотносилось с аффектацией, следы которой в виде навязчивости и торможения долго сохранялись в психологическом пространстве 1950-х гг.

Эмоциональная напряженность отражала конфликт в ценностно-смысловых полях жизненного мира миллионов, связанный со стремлением к стабильности, с одной стороны, и к изменениям, с другой. Проявление эмоциональных и поведенческих

расстройств, связанных с «мартовским» стрессом, можно понять как возникновение у многих людей ненаправленной эмоциональной активности в период диссоциации эмоционально-установочных комплексов. Психологический механизм подобной диссоциации раскрывают работы Т.Г. Бохан, посвященные культурно-историческому подходу к стрессу и стрессоустойчивости [Бохан, 2008а, б и др.].

Амбивалентный стресс весны 1953 г., будучи системным феноменом, переживался, с одной стороны, как самодиагностика системы, обнаруживающая новые горизонты развития и обладающая готовностью выхода (модель «эустресса»). С другой стороны, это была оценка начинающейся деструкции системы, которая как бы не могла без Сталина удерживать свою целостность в силу факторов, блокирующих возможность саморазвития и самореализации (модель «дистресса»), что вызывало угрозу ее устойчивому существованию.

Насколько адаптивен к переменам был СССР весны 1953 г.? Каким потенциалом саморегуляции и самовосстановления обладал режим? Какова глубина адаптации, суть внутренних процессов, обеспечивающих сохранение внешних функций по отношению к среде? На эти вопросы могут быть разные ответы, учитывая, что адаптация – свойство приспосабливаться к реальным и возможным изменениям, одновременно – это процесс приспособления, а также метод, основанный на способности к рациональной оценке информации для достижения критерия оптимальности. В последнем аспекте речь идет об адаптационных алгоритмах. Адаптационный ответ 1953 г. осуществлялся на уровне человека в виде социально-психологических изменений; на уровне социально-политических, национальных и экономических общностей; на уровне советской системы.

Ключевой вопрос – интенсивность потребности к адаптации, учитывая быструю модификацию исходной формы стресса в дистресс при ограниченности ресурсов, давлении идеологических запретов, брожении в СССР и на подконтрольных территориях (волнения в ГУЛАГе, июньские события в ГДР).

Информацию о степени адаптации к изменившимся условиям могут дать корреляции параметров поддержки и ответа. В ее основе – положение, что рост советской системы неизменно контролировался ресурсным дефицитом как ключевым лимитирующим фактором. С этим связаны различные модели адаптации. Они показывают перераспределение адаптационного ресурса, повышающего сопротивляемость одним факторам и в то же время снижающего сопротивляемость другим. Так, «культ личности» – один из значимых стимулов адаптации, – по-разному влиял на обретение способности более интенсивного реагирования на те или иные стимулы. Другой адаптационный ресурс – «коллективность руководства» – при увеличении общей адаптационной нагрузки в 1953–1957 гг. постоянно менял значения.

Эти примеры показывают, что концепция адаптационной энергии Г. Селье [Selye, 1938, p. 758–765], получившая развитие в трудах Б. Голдстоуна [Goldstone, 1952,

р. 88–92, 106–109], российских авторов [Урманцев, 1998; Тюкин, Терехов, 2014], позволяет, на наш взгляд, анализировать изменчивость в социально-политической сфере СССР 1950-х гг. с учетом кризисных рангов стресса, максимумов адаптационного напряжения. При этом неспецифические требования, предъявляемые воздействием смерти Сталина как таковой, можно считать выражением сущности адаптационного синдрома, включающего фазы шока, устойчивости и истощения [Селье, 1960, с. 5–30].

Психический настрой весны 1953 г. менял выраженность адаптивной реакции. СССР претерпевал изменение алгоритма функционирования с целью сохранения и достижения оптимального состояния при изменении условий. Основные элементы системы, развиваясь и утверждая собственную значимость, переходили на более высокие ступени, вырабатывали новые формы самосохранения. При этом адаптационный процесс каждого из элементов протекал разнонаправленно, не всегда обеспечивая равновесное состояние. Из этого следует неприемлемость для СССР 1950-х гг. линейной схемы: стресс – адаптация – деадаптация – реадаптация.

Понимание адаптации как функции развития сегодня дополняется такими характеристиками, как приспособление, гомеостаз, включение, взаимодействие, удовлетворенность, рациональность. Механизм социальной адаптации представляется соответствием актуализированных и удовлетворенных потребностей с реализацией прогрессии: потребности – актуализация потребностей – удовлетворение потребностей – возвышение потребностей. Поэтому адаптация отражает тактику социального развития, характеризует каждый конкретный момент развития, его успешность и перспективы [Кузнецов, 2000, с. 31; Корель, 2005].

Социальное измерение адаптации 1950-х гг. представлено в книге Б.А. Грушина, содержащей уникальный материал о предпочтениях, оценках и ценностях поколения тех лет. Ключевая идея книги – выявление того, «что из себя представляли... люди, репрезентировавшие советский/российский народ, когда (если) они высказывались по тем или иным сюжетам» [Грушин, 2001, с. 89]. «Высокий позитивный эмоционально-психологический тонус абсолютного большинства», – считает автор, и «весьма высокий оптимизм в отношении своего будущего» сопряжены с разрывами в отношении к базовым принципам, что позволило Б.А. Грушину выделить ряд типологических групп.

Выборка предпочтений, основанных на учете потребностей, оставляет в стороне вопрос: нагрузка каких факторов являлась основой дифференциации? Эти факторы неизбежно восходят к политике тех лет, разрывам в политическом сознании «низов» и «верхов», предполагают учет двоемыслия, присущего советской политической сфере 1950-х гг., двойственности партийных документов, переживания символов, что само по себе затрудняет анализ эмоционально-поведенческих феноменов.

Другой вопрос связан со степенью групповой адаптации, причем это относится не только к социальным стратам, но и партийно-политическим группам реформаторской и традиционалистской ориентаций.

Модификационная и патологическая адаптация. События 1953 г. в аспектах борьбы за власть, представленные в литературе [Зезина, 1995; Жуков, 1996; Рейман, 2003], демонстрируют противоречивое сочетание клятв верности Сталину, политических заявлений, перемещений, постановочных задач. Высокая активность стрессора (смерть генсека), негативный эмоциональный фон, неопределенность политических прогнозов и реакций социальной среды – основные политико-психологические характеристики весны – лета 1953 г. Реакция напряжения ограничивала адаптационные возможности, реорганизация поведения (эустресс) оказалась блокированной поведенческой дезорганизацией (дистресс). Продуктивная мобилизация уступила место разрушению связности, перенапряжению адаптационных механизмов при общем сопротивлении влиянию кризиса.

Будучи кратковременной, *фаза шока* включала действия, скорее неожиданные, нежели привычные для Кремля. Доминировали психологические факторы временного сплочения – растерянность, смятение, неопределенность и особенно страх расплаты «верхов» за прежние деяния. Соответственно границы критики прошлого не могли быть открытыми, пределы ниспровержения Божества задавались политико-психологическими рамками и расчетами выживания, как и методы борьбы за власть, соответствовавшие прежней практике. Персонафикация Зла соотносилась с традициями 1930–1940-х гг., Берия устранялся как «наймит» буржуазных разведок, но не как органичный элемент системы. Логике перехода соответствовали амнистия, прекращение «дела врачей»; замораживалось строительство ряда крупных объектов (501-я стройка «Чум-Игарка», тоннель на Сахалин и др.). В «Крутом маршруте» Е.С. Гинзбург пишет о появившихся в комендатуре скамейках, обращении «товарищ». «Огромное большинство ссыльных явственно ощущало, как дрогнуло государство, лишившееся Владыки к исходу тридцатого года его царствования, как смутились и переполошились все крупные и мелкие диспетчеры» [Гинзбург, 1990, с. 151–153].

Шоковое состояние переживали региональные власти. Так, в марте 1953 года в Новочеркасске парткомитет города заседал трижды (13, 17 и 20 числа), но о Сталине в документах нет ни строчки. Занимались неотложным (митинги, собрания и т.д.). Всё было наполнено неопределенностью, слухами, ожиданием перестановок. Изменения заметны в апреле. На предприятиях, в вузах проходили закрытые собрания. Власти заговорили о насущных социальных проблемах, в повестке дня новые вопросы: «О бездушном отношении руководителей “Электродстроя” к нуждам трудящихся», «О мерах по пропаганде здорового образа жизни» [ЦДНИРО, ф. 81, д. 24, л. 130]. Руководство города заинтересовалось работой Новочеркасского Дома учителя. Характерно, что уже «отбирали», а не «вербовали» кандидатов в военные училища [ЦДНИРО, ф. 81, д. 26, л. 2]. Сложные процессы шли в среде казачества [Скорик, 2013].

Имея в виду *модификационную* адаптацию следует, прежде всего, отметить принцип «коллективности руководства» – новый сценарий власти, модифицирующий мобилизационный вектор с доминантой Первого руководителя. Баланс обновления и традиции, коллективность поддерживали фасад демократичности при том, что сам ее формат оставался неустойчивым: мартовская «четверка» трансформировалась в «тройку», а затем в «единицу» первого секретаря Президиума ЦК.

Новая властная вертикаль отражала хрупкий баланс «наших» и «не наших» сталинских. В Совет министров тогда не вошел Хрущев – единственный из членов партийного Президиума. Здесь, скорее всего, коренится начало его соперничества с Маленковым. «Обезврежение» Берии – форма дистресса – стало для «верхов» промежуточным условием относительного единства.

Модификацию претерпевала региональная бюрократия, прежде не сумевшая оформиться в устойчивый слой, обладавший достаточной автономией. К июню 1953 г. численность правящей номенклатуры сократилась с 45 до 25 тыс. (11 тыс. в информационном плане согласовывались с отделами ЦК, что объективно укрепляло позиции руководителей регионов, которые ранее были ограничены в решении важных кадровых вопросов на местах) [Хлевнюк, 2007].

Другой фактор модификационной адаптации – размежевание с «культом личности», предопределившее новизну оценок и партийно-государственного стиля. Поначалу это носило символический характер. Сталин упокоился в Мавзолее Ленина, проект Пантеона предполагал форматирование кремлевской усыпальницы, перенос двух саркофагов, а также останков великих людей Советской страны на Ленинские горы [О сооружении Пантеона ... 1953]. Неудивительно, что диссонансом предстала мартовская формула «культ личности».

Корреляцию значений культа в разрезе адаптации впервые показал Л. В. Максименков [Максименков, 1993]. Обращаясь к заседанию Президиума ЦК 10 марта 1953 г., автор пишет об интуитивном выборе «коллективности». Достаточно быстро выявились различия, что предопределило расхождения относительно меры очищения. Борьба за власть, секретные записки Берии в Президиум ЦК о преступлениях именно Сталина (включая «дело об убийстве Михоэlsa» [Лаврентий Берия ... 1999, с. 25–26]) разрушали принятый формат. Вопрос о преодолении культа нельзя было связывать только с пропагандой и возлагать ответственность на Агитпроп. Ориентация на культ Ленина, как и будущие перемены в интерпретации «культа», неизбежно затрагивали идеологическую и административную сферы, что подразумевало принятие мер по ликвидации «извращений» на этих двух направлениях. Такое достаточно поверхностное определение, – отмечает автор, – привело к тому, что преодоление последствий заняло долгие десятилетия.

Я. Плампер считает, что «культовый» Сталин заполнял репрезентационный вакуум советской национальной идентичности, то есть выполнял конструктивную функцию свода, «собиравшего под собой различные этнотерритории» [Плампер, 2011].

В 1953 г. по инерции он сохранял функциональную миссию, поддерживая адаптивные возможности системы, влияя «правильностью» на способ обретения и поддержания формата власти наследниками Сталина.

Д.М. Фельдман полагает «культ личности» идеологической уловкой 1953 года, новой пропагандистской схемой из четырех попарно связанных идеологем: *культ личности, репрессии, коллективное руководство, реабилитация*. Первые две идеологемы характеризовали сталинское прошлое и наделялись негативным значением, вторые обозначали настоящее и будущее и имели позитивный характер. Логической конкретности в этих терминах не было. Иллюзия понимания создавалась благодаря распознаванию многократно виденного и потому казавшегося известным, в силу чего и понятным. Характерно, что из трех возможных идеологем – «культ Сталина», «культ личности Сталина» и просто «культ личности», – был выбран последний [Фельдман, 2006, с. 14–15].

Понятие «адаптация» охватывает не только способность систем отражать посредством изменения факторы среды, но и способность этих систем в процессе взаимодействия создавать в себе механизмы и модели изменения и преобразования. Символика и ритуалы в этом плане – эффективный политический ресурс, значимый информативный маркер советской системы, сложное пространство с динамикой форм, соответствующих политическим идеям и сценариям власти. Адаптация не просто затронула ритуально-символическую сферу, но во многом основывалась на этом ресурсе. Политические ритуалы и символы, отражая потребность руководства в адаптации, служили индикатором интенсивности этой потребности.

Концепция В. Тэрнера – надежное основание анализа трансформации символических образов на рубежах изломов и становления новых систем в ментальном пространстве [Тэрнер, 1983]. В 1953 г. размерность значения символика в ряду других параметров системы снижается, и в то же время растет разброс значения символических элементов. Часть знаков сталинской политической культуры отстывает, система освобождается от прежних социальных покровов. Исчезли «тройки», Особое совещание, Ансамбль песни и пляски НКВД. Размывались привычные литеры – ВАД (восхваление американской демократии), ЧСР (член семьи врага народа) и др. Однако, как и прежде, в предметах и изображениях искали профиль Троцкого, в текстах не допускались переносы, относящиеся к Ленину, Сталину, другим вождям [Перл, 1994, с. 102–104; Плампер, 2014]. Частичная реабилитация 1953 г. совмещалась с чистками, арестами, депортациями.

Ритуал сохранял черты священнодействия – соразмерность расположения «вождей» у гроба Отца, речевой порядок на трибуне Мавзолея, соотнесенность портретов современному статусу. Брутальность режима сочеталась с чувствительностью по отношению к формам собственных проявлений. Так, в осторожной форме ограничивалось сооружение новых памятников Сталину (май 1953 г.), что объяснялось отсутствием оригинальных проектов, тиражированием копий. Психологическим

потрясением для номенклатуры стало постановление правительства о пересмотре норм денежного довольствия для партийных и хозяйственных чиновников. Адаптации соответствовала попытка социальной переориентации экономики, заданная выступлением Маленкова на сессии Верховного Совета в августе 1953 г. Новый образец паспорта (сентябрь 1953 г.) находился в этом русле.

Модификационная адаптация коснулась внешнеполитической сферы. Смерть Сталина открыла путь к урегулированию войны в Корее. Менялись акценты в отношениях с Югославией. Ключевая фигура здесь – В.М. Молотов [Робертс, 2014].

Маркеры *патологической адаптации* – антирелигиозная жесточенность, пропагандистские клише. При этом тема «культы» мирно сосуществовала со Сталинскими премиями, музеями и памятниками, в декабре 1954 г. торжественно отмечалось 75-летие Сталина. «Четвертый классик» благополучно располагался на постаментах, присутствовал в названиях городов, кораблей, горных вершин.

От шока к поискам устойчивости. Новая фаза адаптационного синдрома приходится на 1954–1955 гг. и отмечена введением в действие внутренних возможностей советского организма. Адаптационная энергия воплощалась в проективной деятельности, организационных начинаниях, новой терминологии. Системность новых символических знаков 1954–1955 гг. соответствует выводу В. Тэрнера о переходном характере второго этапа ритуально-символической эволюции – предмета многочисленных теоретических дискуссий, включая утверждения, что между демонтажом и монтажом существует брешь, пустота – своего рода стадия отсутствия определенных культурных значений, обязательной нормы (нормы не обязывают, но как бы всё может случиться...) [Лотман, 2000, с. 240–242]. Это подготовительный символично-ритуальный этап. Он открылся утверждением 9 января 1954 г. нового флага РСФСР. Красное полотнище дополнилось одним из национальных цветов – светло-синей полосой у древка. По новым правилам орфографии на гербе из аббревиатуры «Р.С.Ф.С.Р.» убиралась точка. Незаметно исчезают Сталинские премии, более не отмечаются дни Парижской коммуны, МОПРА, Профинтерна. Окончательно исчезли сколки военно-коммунистического стиля – военные френчи и сапоги руководителей; московские правители надели европейские костюмы и галстуки. Элемент новой политической культуры – открытый доступ в Кремль (с июля 1955 г.). Отменялись пропуска в обкомы (крайкомы) КПСС, в публичную политику входили женщины (Е. Фурцева).

Догматизм перестал быть доброкачественной опухолью, осуждалась «теория бесконфликтности», но ортодоксальная вера еще не приводилась в соответствие с опытом и уроками.

Изучение лексем должностей того времени позволило заключить, что «количество русских лексем, используемых для создания наименований должностей государственной службы и управления, а также количество номинаций, образованных по русским словообразовательным моделям, значительно возросло по сравнению

с периодом Российской империи... советские наименования представляли собой типологическую номенклатуру, но созданную уже в значительной мере на базе элементов национального русского языка» [Саратова, 2007].

В январе 1955 г. опубликован указ «О прекращении состояния войны между Советским Союзом и Германией», в сентябре 1955 г. последовала амнистия граждан, сотрудничавших с оккупантами. Образован Совет Обороны СССР (07.02.1955) – орган военно-политического руководства, подтверждавший преемственность с ленинским Советом Труда и Обороны.

Сталинский стиль, однако, не сдавал позиции. Сохраняли силу анонимки, действовало «правило 101-го километра»; отметка в паспорте «клеямила» бывших заключенных. На трофейные аккордеоны, в отличие от «народных» баянов, продолжала падать тень космополитического инструмента. Аллюзией большевистской мечты о свободной любви стала легализация в 1955 г. абортот.

Адаптация имела особенности на региональном уровне. В Новочеркасске обмен партбилетов в январе 1954 г. осуществлялся в форме модифицированной чистки – «поименный просмотр лиц, достойных обмена». Возросло число персональных дел и, соответственно, аппаратных решений. По-прежнему проверяли поведение граждан, остававшихся на оккупированной территории (не означала ли форма выживания работу на немцев; еще далеко не были изжиты доносы, обвинения в пособничестве врагам). Более жесткой стала процедура утверждения на бюро «кадров горкома» [ЦДНИРО, ф. 81, оп. 13, л. 7–78].

Как и вся страна, Новочеркасск готовил отряды целинников, критиковал травополье Вильямса, проводил выборы в Верховный Совет СССР. Вместе с тем всё больше становилось проблем, которые нельзя было решить старыми методами. Сама жизнь подвигала руководителей Новочеркасска к постановке ранее второстепенных задач – расширение базы Музея донского казачества, городской философский семинар врачей, план открытия Сельскохозяйственной Академии в Персиановке. Конечно, создавали комиссии по фактам публикаций в «Знамени коммуны», выявляли разврат в техникуме советской торговли и растраты в геолого-разведывательном техникуме, но не было прежней истерии и напряженности.

Обращение ЦК и Совета Министров «О помощи селу руководящими кадрами» (1955 г.), напомнившее о традиции «25-тысячников» и долге перед Революцией, поставило многих коммунистов перед выбором: остаться в Новочеркасске с меткой «саботажник» или навсегда уехать в деревню.

Блоковая ментальность модифицировала образы «поджигателей войны». Одновременно аннулировались союзные договоры с Англией и Францией, военно-политической силой становился Варшавский договор. Советские вожди выезжают за рубеж, причем Хрущев берет с собой в поездки Булганина, Ворошилова, словно боясь оставить их дома... Борьбу с религией несколько остудил Антиохийский

патриарх, побывавший в СССР осенью 1954 г. Кремль пошел на уступки, в декабре Алексия I принял Маленков. С 1955 г. представителей церкви стали приглашать на приемы в Верховный Совет СССР и зарубежные посольства, ослаблялись ограничения на регистрацию (власти старались включать РПЦ в сферу внешней политики. Речь шла, в числе прочего, о помощи православным Александрийской и Коптской церквям, учитывая особые отношения СССР с Египтом после событий 1956 г.).

Кризис веры. Третья фаза адаптационного синдрома отмечена снижением энергии сопротивления, ослаблением защитных возможностей СССР, ограничением резервов. Она продолжалась с конца 1955 г. и до конца 1957 г.

Вертикаль власти при внешней демонстрационной уверенности теряла эффективность. К этому добавлялись трудности самореализации людей, поскольку сохранялось противоречие между ценностно-смысловыми параметрами самореализации, переживаниями и неопределенностью – компонентами образа жизни. Доминирующие установки на жизненные задачи как негативную системность, переживания без понимания их смыслового содержания порождали у многих растерянность, стремление избегать трудностей.

Компромиссом традиции и новизны стало заключение комиссии Поспелова, не оставлявшее сомнений относительно ритуальной жертвы. Противоречия в «верхах» о мере разоблачения бывшего кумира, форма и содержание «секретного» доклада, запоздалые признания в психологической неготовности критики генсека – свидетельства расстройств функций советского организма, ограничивающих адаптационные возможности. Сам доклад Хрущева стал фактором системного разрушения, затронувшего миллионы людей. Самоотверженность, гордость собой – человеком великого общества – сменялась осознанием утраты совершенного, сакрального. Сталин стремительно превращался в Джугашвили, двойственность ощущений делала неопределенной меру его прощения.

Идейные сталинисты с ужасом воспринимали отказ от первородства, не совсем представляя, что жить по-сталински – значит серьезно заблуждаться. Сторонников подчинения «Воле Партии» отличала иная политико-психологическая структура. Верующие, но сомневающиеся, они еще принимали мир, представляемый «Правдой». Разнообразием отличался круг антисталинистов. Мозаика характерна для всех уровней иерархии, включая донской регион. Здесь доклад 1-го секретаря Ростовского обкома КПСС Н.В. Киселева «О последствиях “культы личности” на территории Ростовской области», прочитанный на партактиве 10 марта 1956 г. [ЦДНИРО, ф. Р-9, оп. 1, д. 2102, л. 85–91], стал фактором стремительного разделения политических представлений.

Кризис коллективной идентичности привел к ослаблению общественной солидарности, протесту. «Коллективное руководство» как корпоративная легитимация, сменившая «харизматическую» легитимацию Сталина, казалось, должно было придать новый смысл процедурам означения и поиска соответствий между советскими

институтами середины 1950-х и объектами внешнего мира. Однако долговременная поддержка искусственных смысловых связей, призванная придать структурам политики элементы устойчивости, сдерживалась неизжитым комплексом вождизма. Массовое сознание отторгало претензии на харизматическое лидерство, что, с одной стороны, дискредитировало Хрущева с его амбициями и представлениями о жертвенности и ритуальных приношениях на алтарь Будущего. С другой стороны, размывание коллективности предопределяло болезненность поиска правящим слоем своего нового места и роли.

Постоянное колебание между адаптацией и Традицией предопределило характер изменчивости – способности системы середины 1950-х гг. к приобретению новых признаков.

Изменчивость проявлялась в *приспособительном* и *наследственном* планах.

В первом случае адаптивные перемены носили формальный характер, не затрагивали структуру системы (Фестиваль 1957 г., Совещания компартий как аналог Коминформа, комитет «За возвращение на Родину», Испарты в форме Историко-литературного объединения старых большевиков, Совет Обороны СССР, копирующий ленинский СТО, репрезентация революции в кинодискурсе и многое др.). В приспособительной изменчивости наследовались не собственно сталинские признаки системы, а способности к их развитию, хотя ряд авторов подчеркивают формальное «повторение» элементов послевоенного курса Сталина [Пыжиков, 2002, с. 14, 28, 31 и др.]. Е. Ю. Зубкова, напротив, отмечает значимость полноценной реализации сталинских начертаний, что подтверждают документы и региональные исследования [Ряполова, 2003, с. 3–18; Региональная политика Хрущева, 2009 и др.]

Наследственная изменчивость касалась *большевизма* – ключевого признака политико-идеологической доктрины 1950-х гг. Она наследовалась от «классиков», опиралась на «новое прочтение» Ленина, имела в основании архетипические начала «верного Пути». В этом плане можно говорить о ее комбинативном и мутационном вариантах.

Первый отражал стремление к новым комбинациям формирующихся реформаторских сил для адаптации системы к новым условиям. С этой точки зрения *реформизм 1950-х – начала 1960-х гг. может быть интерпретирован как комбинативная изменчивость советской системы*. Его источники – разделение носителей идей во властной вертикали на сторонников и противников обновления, их случайные сочетания при решении вопроса о границах социально-политических изменений, а также рекомбинация личностных позиций членов Президиума и влиятельных членов ЦК.

Данный механизм способствовал формированию реформаторских настроений, т. к. разрывалась прежняя приверженность курсу «Отца народов», а обмен мнениями вел к появлению в руководстве новых групп. Таким образом, в процессе комбинативной изменчивости структура системных элементов СССР не изменялась, однако

новые идеи приводили к новым соединениям, появлению элементов с новыми партийно-политическими ориентациями.

Основа комбинативной изменчивости – переобоснование ленинизма. В повторении «чистого» Ленина возрождалась надежда, которая все еще тревожила миллионы людей в СССР, странах Запада и Востока.

Обновленное представление о Ленине было необходимо режиму не только для формирования своей внутренней структуры. Оно являлось водоразделом относительно оценки роли Сталина. Ленин, а не Сталин возвращался главным символом системы. Мавзолей для двоих неизбежно должен был стать Мавзолеем Одного.

Появление контрастной по сравнению с Лениным фигуры «Отца народов» позволяло выходить из симбиотического слияния, из системы проективных отношений, которые приводили к искажению реальности. Реальности Ленина, по мысли властей, должны были соответствовать символическое насыщение, ленинская поддержка первопроходческого образа страны. Герб СССР и профиль Ленина стали первым свидетельством посещения человечеством Луны, первый атомный корабль, первая АЭС, названные именем Ленина, укрепляли преемственную связь с большевизмом.

«Поворот к Ленину» как концептуальный миф являлся выражением мировоззренческого кризиса, утраты целеполагающих ориентиров и связанной с этим задачи корректировки рационально построенной картины мира.

А.С. Ахиезер [Ахиезер, 1991] и А.Н. Медушевский [Медушевский, 2013] показали, что изменчивость большевизма связана с конфликтным соотношением идеологии и традиции в пространствах ценностей, установок, целей и средств их достижения. При этом следует учитывать, что границы варьирования признаков большевизма зависели от многих факторов: формального соответствия фундаментальным основам «классиков»; характеристик партийной массы; социально-психологической природы аппарата; нормы поддержки идеологической чистоты и др. Объективная оценка большевизма 1956–1957-х гг. как изменчивого признака возможна на путях анализа всей этой совокупности факторов.

Обращаясь к 1950-м гг., Г.З. Иоффе заключил, что «новизна по сравнению с классическим большевизмом заключалась в том, что примат политической воли сдерживался выгодами экономической целесообразности, пониманием бесчеловечности «гулаговской экономики», заимствованием образцов национального экономического опыта, реанимацией царских традиций трудового «вольнонаемства» [Иоффе, 2005].

Такая оценка соответствует определению «необольшевизм», приспособляющего советские представления о стране и мире к реалиям 1950-х – начала 1960-х гг. Но насколько парадигма приспособления сопряжена с сознательным устройством новой системы с учетом уроков сталинского этапа и частичной реставрацией того, что существовало в 1920-е гг. Иначе – являлся ли социализм 1950-х гг. идеологией

движения, и если да, то в чем проявлялись конкретно-политические функции «марксистско-ленинского» социализма 1950-х гг., в чем состояли политические параметры учения?

Необольшевизм – исторически-конкретный этап в эволюции СССР, окончание которого завершалось рациональными реформами второй половины 1960-х гг. Это особый тип коммунистической власти, промежуточное звено между военно-коммунистическим государством Сталина и регулярным государством «развитого» социализма.

Зарождение необольшевизма связано с эволюцией советского государства, потребностями и интересами различных социальных общностей. Можно предположить приоритет социальных конфликтов как фактора формирования необольшевизма. Признаками необольшевизма явились изменение роли Вооруженных сил в связке «партия – армия», подчинение партии спецслужб, новые акценты в деятельности номенклатуры, гонения на церковь. Значимые элементы – лозунги догоняющего развития, конституционные поиски. Необольшевизм нашел выражение в борьбе за субконтинентальную гегемонию, новой военной доктрине, эволюции управленческой системы, протекционизме ВПК. Переход к необольшевизму прослеживался в падении влияния «ближнего» сталинского круга, уменьшении значения органов советского представительства, подавлении остатков сепаратизма, унификации отношений местных органов и государства. Эволюция необольшевизма сопровождалась кодификацией советского законодательства, регламентацией обязательственных отношений. Необольшевизм – новое качество служения коммунистической идее. Проект 1961 г. как власть Маршрута, Дворец съездов, завершивший соединение идеологической доктрины и архитектуры показывают глубинное различие необольшевизма по отношению к советской системе 1930-х – начала 1950-х гг. [Николаева, 2006, с. 18]. При этом «коллективность руководства» придавала большевистский смысл партийно-советским церемониям. Харизматический властный союз Хрущева и его окружения словно подчеркивал преемственность с ленинским союзом единомышленников.

Размывание пролетарского мессианства, отказ от диктатуры пролетариата, модель общенародного государства – всё это формы необольшевистской прогрессии.

Что до мутационной изменчивости, то это форма наследственной изменчивости. Ее главное выражение – идеомания необольшевизма как неадаптивная модификация, результат качественных перемен в идеологии и структуре компартии 1950-х гг. Партийно-идеологические мутации связаны 1) с изменением последовательности принятия важных политических решений и документов (метаморфозы «секретного» доклада 1956 г., сроки построения коммунизма); 2) с заменой одних институтов власти на другие, что обуславливало появление новых или измененных их признаков (Бюро ЦК КПСС по РСФСР, партийно-советская реформа 1962 г.); 3) с изменением оптимальной численности КПСС (прирост только за 1960 г. на 1 036 695 чел.);

4) с действием деструктивных факторов, включая факторы внешней среды («дела» Кириченко, Ларионова и др.).

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

- Ахиезер А.С. Россия как большое общество // *Вопросы философии*. 1991. № 3. С. 3–19.
- Бохан Т.Г. Культурно-исторический подход как методологическая основа разработки проблемы стресса с учетом принципов постнеклассической науки // *Вестник ТГУ*. 2008а. Вып. 314. С. 165–169.
- Бохан Т.Г. Стресс и стрессоустойчивость: опыт культурно-исторического исследования. Томск: Изд-во «Иван Федоров», 2008b. 267 с.
- Гинзбург Е. *Крутой маршрут*. Хроника времен культа личности. М.: Советский писатель, 1990. 608 с.
- Грушин Б. Четыре жизни России в зеркале опросов общественного мнения. Жизнь 1-я. Эпоха Хрущева. М.: Прогресс-Традиция, 2001. 624 с.
- Жуков Ю. Борьба за власть в партийно-государственных верхах СССР весной 1953 г. // *Вопросы истории*. 1996. № 5–6. С. 89–104.
- Зезина М.Р. Шоковая терапия: от 1953-го к 1956 году // *Отечественная история*. 1995. № 2. С. 121–135.
- Зубкова Е.Ю. Общественная атмосфера после войны (1945–1946) // *Свободная мысль*. 1992. № 6. С. 4–14.
- Зубкова Е.Ю. Мир мнений советского человека. (1945–1948) // *Отечественная история*. 1998. № 3. С. 25–39; № 4. С. 99–108.
- Иоффе Г.З. Подъем и падение большевизма // *Наука и жизнь*. 2005. № 7. С. 64–75.
- Козлов В.А., Мироненко С.В., Эдельман О.В. Сталин умер! Из надзорных производств Прокуратуры и Верховного суда СССР по делам об антисоветской агитации и пропаганде // *Альманах «Россия. XX век»*. URL: <http://www.alexanderyakovlev.org/almanah/inside/almanah-intro/55551> (дата обращения: 29.08.2016).
- Корель Л. Социология адаптации: Вопросы теории, методологии и методики. Новосибирск: Наука, 2005. 424 с.
- Кузнецов П. Социологическая теория социальной адаптации. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 2000. 31 с.
- Лаврентий Берия. 1953. Стенограмма июльского пленума ЦК КПСС и другие документы / сост. В. Наумов и Ю. Сигачев. М.: МФД, 1999. 512 с.
- Лотман Ю. Семиосфера. СПб.: Искусство, 2000. 704 с.
- Максименков Л. Культ: заметки о словах-символах в советской политической культуре // *Свободная мысль*. 1993. № 10. С. 27–43.

Медушевский А.Н. Феномен большевизма: логика революционного экстремизма с позиций когнитивной истории // *Общественные науки и современность*. 2013. № 5. С. 114–126; № 6. С. 111–120.

Николаева Ж.В. Архитектура в сознании тоталитарной эпохи: автореф. дис. ... канд. философ. наук: 24.00.01 / С.-Петербург. гос. ун-т. СПб., 2006. 24 с.

О сооружении Пантеона – памятника вечной славы великих людей Советской страны // *Вечерняя Москва*. 7 марта 1953 года.

Перл Н. Закон сохранения. СПб.: Борей, 1994. 223 с.

Плампер Я. Грузин Коба или «отец народов»? Культ Сталина сквозь призму этничности // *Неприкосновенный запас*. № 78 (4/2011). URL: <http://www.nlobooks.ru/node/1123> (дата обращения: 28.08.2016).

Плампер Я. Запрет на двусмысленность. Советская цензурная практика 1930-х годов // *Новое литературное обозрение*. № 130 (6/2014). URL: <http://www.nlobooks.ru/node/5715> (дата обращения: 18.12.2006).

Поляков Ю.А. Похороны Сталина. Взгляд историка-очевидца // *Новая и новейшая история*. 1994. № 4–5. С. 195–207.

Пыжиков А. Хрущевская «оттепель». М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2002. 509 с.

Региональная политика Н.С. Хрущева. ЦК КПСС и местные партийные комитеты 1953–1964 гг. М.: РОССПЭН, 2009. 776 с.

Рейман М. Послевоенное соперничество и конфликты в советском политическом руководстве // *Вопросы истории*. 2003. № 3. С. 24–40.

Рейман М. Н.С. Хрущев и поворот 1953 г. // *Вопросы истории*. 1997. № 12. С. 165–168.

Робертс Д. Вячеслав Молотов. Сталинский рыцарь «холодной войны». М.: АСТ, 2014. 340 с.

Ряполова Е.Л. Общественно-политические и социокультурные процессы в годы хрущевской «оттепели». 1953–1964 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Краснодар, 2003. 35 с.

Саратова Ю. Об особенностях формирования системы должностей (номенклатуры) государственной службы и управления в Советском Союзе // *Реформирование российского общества: опыт, проблемы, перспективы*. Воронеж: ВГТУ, 2007. С. 547–551.

Селье Г. Очерки об адапционном синдроме. М.: Медгиз, 1960. 254 с.

Скорик А. Донское казачество в начале 1950-х гг. // *Вопросы истории*. 2013. № 1. С. 64–81.

Тэрнер В. Символ и ритуал. М.: Наука, 1983. 277 с.

Тюкин И., Терехов В. Адаптация в нелинейных динамических системах. СПб.: ЛКИ, 2014. 439 с.

Урманцев Ю. Природа адаптации (системная экспликация) // *Вопросы философии*. 1998. № 12. С. 21–36.

Фельдман Д. Терминология власти. Советские политические термины в историко-культурном контексте. М.: РГГУ, 2006. 486 с.

Хлевнюк О. Региональная власть в СССР в 1953 – конце 1950-х гг. Устойчивость и конфликты // *Отечественная история*. 2007. № 3. С. 31–49.

Центр документации новейшей истории Ростовской области (ЦДНИРО). Ф. 81. Оп. 13. Л. 7–78.

ЦДНИРО. Ф. 81. Д. 24. Л. 130.

ЦДНИРО. Ф. 81. Д. 26. Л. 2.

ЦДНИРО. Ф. Р-9. Оп. 1. Д. 2102. Л. 85–91.

Goldstone B. The general practitioner and the general adaptation syndrome // *South African Medical Journal*. 1952. № 26. P. 88–92.

Selye H. Experimental evidence supporting the conception of “adaptation energy” // *American Journal of Physiology*. 1938. № 123. P. 758–765.

REFERENCES

Ahiezer A.S. Rossiya kak bol'shoe obshchestvo [Russia as a great society], in: *Voprosy filosofii*. 1991. № 3. P. 3–19 (in Russian).

Bohan T.G. Kul'turno-istoricheskij podhod kak metodologicheskaja osnova razrabotki problemy stressa s uchetom principov postneklassicheskoj nauki [The cultural-historical approach as a methodological basis of working out of a problem of stress taking into account principles of a postnonclassical science], in: *Vestnik TSU*. 2008a. № 314. P. 165–169 (in Russian).

Bohan T.G. *Stress i stressoustojchivost': opyt kul'turno-istoricheskogo issledovanija* [Stress and stress resistance: the experience of the cultural and historical research]. Tomsk: Ivan Fedorov Publ., 2008b. 267 p. (in Russian).

Ginzburg E. *Krutoj marshrut. Hronika vremen kul'ta lichnosti* [Whirlwind. Chronicle of the cult of personality]. Moscow: The Soviet writer Publ., 1990. 608 p. (in Russian).

Grushin B. *Chetyre zhizni Rossii v zerkale oprosov obshhestvennogo mnenija. Zhizn' 1-ja. Jepoha Hrushheva* [Four Russian life in the mirror of public opinion polls. Life 1st. The era of Khrushchev]. Moscow: Progress-Tradition, 2001. 624 p. (in Russian).

Zhukov Ju. Bor'ba za vlast' v partijno-gosudarstvennyh verhah SSSR vesnoj 1953 g. [The struggle for power in the party and government summit of the USSR in the spring of 1953], in: *Voprosy istorii*. 1996. № 5–6. P. 89–104 (in Russian).

Zeina M.R. Shokovaja terapija: ot 1953-go k 1956 godu [Shock therapy: from 1953 to 1956], in: *Otechestvennaja istorija*. 1995. № 2. P. 121–135 (in Russian).

Zubkova E.Ju. Obshhestvennaja atmosfera posle vojny (1945–1946) [Social atmosphere after the war (1945–1946)], in: *Svobodnaja mysl'*. 1992. № 6. P. 4–14 (in Russian).

Zubkova E.Ju. Mir mnenij sovetского cheloveka (1945–1948) [Social atmosphere after the war (1945–1946)], in: *Otechestvennaja istorija*. 1998. № 3. P. 25–39; № 4. P. 99–108 (in Russian).

Ioffe G.Z. Pod'em i padenie bol'shevizma [The rise and fall of Bolshevism], in: *Nauka i zhizn'*. 2005. № 7. P. 64–75 (in Russian).

Kozlov V.A., Mironenko S.V., Jedel'man O.V. Stalin umer! Iz nadzornykh proizvodstv Prokuratury i Verhovnogo suda SSSR po delam ob antisovetskoj agitacii i propagande [Stalin died! From the supervisory review of the Supreme Court and the Prosecutor's Office of Soviet Union Affairs of the anti-Soviet agitation and propaganda], in: *Al'manah "Rossija. XX vek"*. URL: <http://www.alexanderyakovlev.org/almanah/inside/almanah-intro/55551> (available at: 29.08.2016) (in Russian).

Korel' L. *Sociologija adaptacii: Voprosy teorii, metodologii i metodiki* [Sociology adaptation: Theory, methodology and techniques]. Novosibirsk: Nauka, 2005. 424 p. (in Russian).

Kuznecov P. *Sociologicheskaja teorija social'noj adaptacii* [Sociological theory of social adaptation]. Saratov: Publishing SSU, 2000. 31 p. (in Russian).

Lavrentij Berija. 1953. Stenogramma ijul'skogo plenuma CK KPSS i drugie dokumenty [Lavrentij Berija. 1953. Transcript of the July Plenum of the Central Committee and other documents]. Sost. V. Naumov and Yuri Sigachyov. Moscow: MFD, 1999 (in Russian).

Lotman Ju. *Semiosfera* [Semiosphere]. St. Petersburg: Arts-St. Petersburg, 2000. 704 p. (in Russian).

Maksimenkov L. Kul't: zametki o slovah-simvolah v sovetskoj politicheskoy kul'ture [Cult: notes about the words symbols in Soviet political culture], in: *Svobodnaja mysl'*. 1993. № 10. P. 27–43 (in Russian).

Medushevskij A.N. Fenomen bol'shevizma: logika revoljucionnogo jekstremizma s pozicij kognitivnoj istorii [The phenomenon of Bolshevism: the logic of the revolutionary extremism from the standpoint of cognitive history], in: *Obshhestvennye nauki i sovremennost'*. 2013. № 5. P. 114–126; № 6. P. 111–120 (in Russian).

Nikolaeva Zh.V. *Arhitektura v soznanii totalitarnoj jepohi* [Architecture in the minds of the totalitarian era]. St. Petersburg, 2006 (in Russian).

O sooruzhenii Panteona – pamyatnika vечноy slavy velikikh lyudey Sovetskoy strany [On the construction of the Pantheon – a monument to the eternal glory of the great people of the Soviet Union], in: *Vechernyaya Moskva*. 7 marta 1953 goda.

Perl N. *Zakon sohraneniya* [The law of conservation]. St. Petersburg, 1994. P. 102–103 (in Russian).

Plamper Ja. Gruzin Koba ili "otec narodov"? Kul't Stalina skvoz' prizmu jetnichnosti [Georgian Koba or "father of nations"? The cult of Stalin, through the prism of ethnicity], in: *Neprikosnovennyj zasas*. № 78 (4/2011). URL: <http://www.nlobooks.ru/node/1123> (available at: 28.08.2016) (in Russian).

Plamper Ja. Zapret na dvusmyslennost'. Sovetskaja cenzurnaja praktika 1930-h godov [The ban on the ambiguity. Soviet censorship practices of the 1930s], in: *Novoe*

literaturnoe obozrenie. № 130 (6/2014). URL: <http://www.nlobooks.ru/node/5715> (available at: 28.08.2016) (in Russian).

Poljakov Ju.A. Pohorony Stalina. Vzgljad istorika-ochevidca [Stalin's funeral. Looking historian and eyewitness], in: *Novaja i novejšhaja istorija*. 1994. № 4–5. P. 195–207 (in Russian).

Pyzhikov A. *Hrushhevskaja "ottepel'"* [Khrushchev's "thaw"]. Moscow: Olma-Press, 2002. 509 p. (in Russian).

Regional'naja politika N.S. Hrushheva. CK KPSS i mestnye partijnye komitety 1953–1964 gg. [Regional policy Khrushchev. CPSU Central Committee and local Party committees. 1953–1964]. Moscow, 2009 (in Russian).

Rejman M. Poslevoennoe sopernichestvo i konflikty v sovetskom politicheskom rukovodstve [Post-war rivalries and conflicts in the Soviet political leadership], in: *Voprosy istorii*. 2003. № 3. P. 24–40 (in Russian).

Rejman M. N.S. Hrushhev i povорот 1953 g. [Khrushchev and turn 1953], in: *Voprosy istorii*. 1997. № 12. P. 165–168 (in Russian).

Roberts D. *Vjacheslav Molotov. Stalinskij rycar' "holodnoj vojny"* [Vyacheslav Molotov. Stalin Knight "Cold War"]. Moscow: AST, 2014. 340 p. (in Russian).

Rjapolova E.L. *Obshhestvenno-politicheskie i sociokul'turnye processy v gody hrushhevskoj "ottepli". 1953–1964 gg.* [Socio-political and socio-cultural processes during the Khrushchev "thaw". 1953–1964]. Krasnodar, 2003 (in Russian).

Saratova Ju. Ob osobennostjakh formirovanija sistemy dolzhnostej (nomenklatury) gosudarstvennoj sluzhby i upravlenija v Sovetskom Sojuze [On peculiarities of formation of posts (nomenclature) of public service and administration in the Soviet Union], in: *Reformirovanie rossijskogo obshhestva: opyt, problemy, perspektivy*. Voronezh: VSTU, 2007. P. 547–551 (in Russian).

Sel'e G. *Oчерki ob adaptacionnom syndrome* [Essays about adaptation syndrome]. Moscow: Medgiz, 1960. 254 p. (in Russian).

Skorik A. Donskoe kazachestvo v nachale 1950-h gg. [Don Cossacks in the early 1950s], in: *Voprosy istorii*. 2013. № 1. P. 64–81 (in Russian).

Tjerner V. *Simvol i ritual* [Symbol and Ritual]. Moscow: Nauka, 1983. 277 p. (in Russian).

Tjukin I., Terehov V. *Adaptacija v nelinejnyh dinamicheskikh sistemah* [Adaptation in nonlinear dynamical systems]. St. Petersburg: LKI, 2014. 439 p. (in Russian).

Urmancev Ju. Priroda adaptacii (sistemnaja jeksplikacija) [Nature adaptation (systemic explication)], in: *Voprosy filosofii*. 1998. № 12. P. 21–36 (in Russian).

Fel'dman D. *Terminologija vlasti. Sovetskie politicheskie terminy v istoriko-kul'turnom kontekste* [Terminology power. Soviet political terms in the historical and cultural context]. Moscow: RSUH, 2006. 486 p. (in Russian).

Hlevnjuk O. Regional'naja vlast' v SSSR v 1953 – konce 1950-h gg. Ustojchivost' i konflikty [Regional authorities in the Soviet Union in 1953 – the end of the 1950s. Stability and conflicts], in: *Otechestvennaja istorija*. 2007. № 3. P. 31–49 (in Russian).

Tsentr dokumentatsii noveyshey istorii Rostovskoy oblasti (TsDNIRO) [Center for documentation of the newest history of the Rostov Region]. F. 81. Op. 13. L. 7–78.

TsDNIRO. F. 81. Op. 24. L. 130.

TsDNIRO. F. 81. Op. 26. L. 2.

TsDNIRO. F. P-9. Op. 1. D. 2102. L. 85–91.

Goldstone B. The general practitioner and the general adaptation syndrome, in: *South African Medical Journal*. 1952. № 26. P. 88–92.

Selye H. Experimental evidence supporting the conception of “adaptation energy”, in: *American Journal of Physiology*. 1938. № 123. P. 758–765.